

*Д.О. Половцев (Витебск,
ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»)*

ТВОРЧЕСТВО Э.М. ФОРСТЕРА: ПОПЫТКИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

Литературное наследие классика английской литературы XX века Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster) включает романы «Куда боятся ступить ангелы» (Where Angels Fear to Tread, 1905), «Самое длинное путешествие» (The Longest Journey, 1907), «Комната с видом» (A Room with a View, 1908), «Хауардс-Энд» (Howards End, 1910), «Поездка в Индию» (A Passage to India, 1924), «Морис» (Maurice, 1971). Прозаик получил признание и как автор сборников рассказов «Небесный омнибус» (The Celestial Omnibus, 1911), «Вечное мгновение» (The Eternal Moment, 1928), «В жизни грядущей» (The Life to Come, 1972). Его перу также принадлежат сборники эссе, книги биографического характера, большое количество литературно-критических статей, в том числе литературоведческая работа «Аспекты романа» (Aspects of the Novel, 1927), в которой писатель выражает свою точку зрения на проблемы художественного творчества, и которая сыграла значительную роль в становлении теории романа в Англии.

Помимо анализа творчества Э.М. Форстера с позиций феминизма и постколониализма, современные зарубежные исследователи фокусируются на связях писателя с литературной группой Блумсбери. Будучи одним из ее членов, он сумел не поддаться влиянию лидера группы В. Вулфа, что вызвало критику со стороны известной писательницы и привело к литературной полемике между обоими.

В конце XX века творчество Э.М. Форстера подверглось пересмотру, так как было выявлено, что писатель еще в первые десятилетия XX века уловил тенденции времени: конфликт ценностей колонизаторов и колонизируемых, расщепление внутреннего Я личности под влиянием внешних сил, противоречия между отдельными частицами расщепленного Я. Э.М. Форстер сумел в художественной форме передать это в своих романах, рассказах, эссе и теоретических статьях. В силу этого героям Э.М. Форстера свойственна нетождественность по отношению к самим себе, то есть открытие в себе внутреннего Другого. Способность/неспособность героя обрести либо сохранить гармонию при столкновении с самим собой как Другим зависит от «развитости» («неразвитости») (по терминологии самого прозаика) его/ее сердца.

Феномен инаковости, находящийся в центре художественной системы Э.М. Форстера, выявляет в его романах существенные психологические, социальные и национальные аспекты. Их актуальность особенно остра сегодня, в эпоху глобализации и мультикультурализма, когда взаимодействие этносов, наций, народов, социальных групп требует толерантности, гармонизации, когда дихотомия «свое – чужое» более не является умозрительной, а приобретает реальные черты. В сегодняшнем стремительно изменяющемся мире, где происходят интенсивные миграционные процессы, а Европу захлестнул мощный людской поток с других континентов, необходимость во взаимопонимании и терпимом отношении к проявлениям иной национальной ментальности и культуры становится не только одной из важнейших социально-политических, но и нравственных проблем.

XX столетие, как и век нынешний, отмечено диалогом культур и цивилизаций. Для Беларуси, находящейся между Востоком и Западом, вопрос национальной идентичности приобретает особое значение. В связи с этим совершенно справедливо известный белорусский литературовед В.А. Максимович подчеркивает, что сегодня «не страчае сваёй актуальнасці і значнасці праблема гістарычнай кваліфікацыі нацыі, вызначэнне яе сутнасных параметраў. <...> Не меншэе значэнне набывае ў гэтай сувязі праблема асобна-індывідуальнай самаідэнтыфікацыі, саматоеснасці (самасці)» [1, с. 3]. Национальная идентичность, как и идентичность личностная, формируется на фоне усиления межкультурных контактов. В последние десятилетия XX века возникла ситуация, при которой множественность образа жизни выступает как норма, а бытие отмечено такими характеристиками как гетерогенность, многомерность, децентрированность. Возрастает не просто интерес ко всякого рода инаковости, а ее принятие и утверждение как ценности.

Интерес к творчеству Э.М. Форстера обусловлен тем, что в своих произведениях он поднимает проблему инаковости, которая не осталась незамеченной рядом исследователей. Так, по мнению американского ученого У. Стоуна, «инаковость [у Э.М. Форстера. – Д. П.] может быть найдена в <...> глубинах человеческой души» [2, р. 15]; современная российская исследовательница Е. Зыкова указывает, что творчество Э.М. Форстера пронизывает «тема взаимопонимания между людьми, терпимости по отношению ко всякого рода “инаковости”» [3, с. 458]. «Черствость, замыкание в узком кругу “своих”, нежелание слышать другого, – продолжает ученый, – [связаны] с обеднением [м] духовного мира личности» [3, с. 459].

Э.М. Форстер не может рассматриваться как «одиокая» фигура в художественном освоении проблемы инаковости в ее воплощении «Я сам как Другой», а также «Я как представитель этой нации и культуры – Другой как инациональное сознание» и «свое – чужое». В начале XX века английская интеллигенция начинает знакомиться и с сочинениями философа Уильяма Джеймса, который утверждал, что в каждом индивиде живет не одно Я, а множество личностей.

Известно, что Э.М. Форстер высоко отзывался о брате У. Джеймса Генри. Так, в книге «Аспекты романа» Э.М. Форстер указывал, что «романы Г. Джеймса являются уникальным явлением, и читатель, который не понимает его послышки, не улавливает <...> тонких ощущений» [4, p. 112]. Такова оценка Э.М. Форстером творчества одного из ведущих англо-американских прозаиков XX века Генри Джеймса. В его произведениях происходит столкновение европейской и американской традиций; на рубеже двух культур Г. Джеймс осуществляет интеллектуальный, нравственный и эстетический поиск (романы «Американец», «Европейцы», «Дейзи Миллер» и др.). По мнению Г. Джеймса, американская жизнь была бесформенной, лишенной исторического наследия, ей не хватало четких линий европейской культуры. Писатель помещает своих героев в инонациональное пространство и с его помощью исследует их психологию. Г. Джеймс испытывает мораль и образ жизни американцев с точки зрения европейских норм.

Полагаем, что Э.М. Форстер вслед за Г. Джеймсом, который в своем творчестве реализовал конфликт европейской и американской ментальностей, обращается к категории инонационального. Опыт, накопленный Э.М. Форстером во время путешествий по разным странам мира (Греция, Италия, Германия, Индия, Египет и др.), позволяет выделить в его творчестве оппозицию «английское» – «неанглийское». Например, Италия как воплощение инонационального предстает в «итальянских романах» Э.М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы» и «Комната с видом», в рассказах «История о панике», «Сирена», «Вечное мгновение», а в романе «Поездка в Индию» и своей эссеистике автор обращается и к «индийской» теме.

Тема Индии в английской литературе представляется явлением исторически обусловленным. Она неотделима от процесса становления и упадка Британской империи. В ней отразились сложные нравственные, психологические и политические проблемы, связанные с историей взаимоотношений Востока и Запада, Индии и Великобритании.

Одним из писателей, который открыл инаковость Востока с его экзотикой и самобытной цивилизацией английскому читателю, стал «англо-индеец» Редьярд Киплинг. Творчество Р. Киплинга является важным этапом в обращении английской литературы к Индии. Писатель сумел разглядеть в Индии многослойное, но внутренне связанное традиционное общество, которое пришло в движение под влиянием столкновения с западной цивилизацией.

Р. Киплинг в английской литературе героизировал повседневный труд англичан в Индии. При этом он понимал страх англо-индийского общества утратить в Индии свою английскость и одобрял его стремление к самоизоляции, желание как можно меньше вступать в контакт с индийцами. С другой стороны, ему понятен также и консерватизм индийского общества, сопротивляющегося западным нововведениям. Особое внимание писателя привлекает зона контакта между двумя обществами, двумя культурами («Город страшной ночи», «Сватовство Дины Шад», «Жизнь дает фору» и другие произведения). Р. Киплинг приходит к выводу, что за пределами своего социального круга человек остается без его поддержки и вступает в зону повышенной опасности. У писателя есть несколько рассказов о катастрофических последствиях таких попыток пересечь границы («Переступив черту», «Ворота ста скорбей», «Сохранить как доказательство» и др.).

Р. Киплинг, в отличие от Э.М. Форстера, стоял на позициях сохранения и поддержания британского господства в Индии, а содержащаяся в его произведениях критика британских колониальных служащих была направлена на исправление недостатков и просчетов. Идеальный образ британского колонизатора Р. Киплинг создает в своем итоговом романе «Ким».

Полагаем, что из всех писателей-современников Э.М. Форстера, затрагивающих тот или иной аспект инаковости, наиболее близким к его взглядам является Дэвид Герберт Лоуренс. Оба писателя были не только в дружеских отношениях, но и высоко ценили романы друг друга. С самого начала творчество Д.Г. Лоуренса вызвало восхищенную реакцию со стороны Э.М. Форстера. Э.М. Форстер также выступал на судебном процессе по роману Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» в защиту книги.

У Д.Г. Лоуренса, как и у Э.М. Форстера, в романах и новеллах часто встречается тема осознания своего отличия от Другого, основанного на контактах и конфликтах между представителями разных культур и стран. В качестве примера можно привести многочисленные эссе Д.Г. Лоуренса об «иных» нациях и народах и его путевые заметки от путешествий по миру (Италии, Германии, Австрии, Австралии, Америке): «Сумерки в Италии», «На земле этрусков», «Утро в Мексике», «Море и Сардиния» и др., а также работы общего характера о проблеме инаковости.

Инаковость у Д.Г. Лоуренса прежде всего рассматривается в отношении различия рас. «Мы не можем утверждать, – пишет Д.Г. Лоуренс, – что все люди равны. Мы не можем утверждать, что $A=B$. Также мы не можем утверждать, что люди не равны. Нельзя заявлять, что $A=B+C$. <...> Когда я нахожусь рядом с другим человеком, который является самим собой, и когда я тоже действительно являюсь самим собой, я начинаю осознавать Присутствие и странную реальность Инаковости. <...> Нет ни сравнения, ни оценки. Только признание странной инаковости. Я могу радоваться, злиться или грустить из-за присутствия другого» [5, с. 52].

Таким образом, искания Э.М. Форстера находились в общем русле времени, ибо он оказался не единственным в своем обращении к проблеме инаковости. Однако в отличие от своих современников, рассматривающих преимущественно ее внешнее проявление, Э.М. Форстер идет дальше и исследует истоки и сущность внутренней инаковости.

Инаковость является одной из актуальнейших проблем современной гуманитарной мысли и может быть определена, с одной стороны, как имманентное качество Другого (в узком смысле), а с другой, как категория субъектно-объектных отношений, делающая возможной и актуализирующей оппозицию «Я – Другой» (в широком смысле). Несмотря на то, что проблема Другого, а следовательно и инаковости, первоначально разрабатывалась в философии, она вышла за пределы сугубо философского дискурса. К проблеме инаковости в своем творчестве обращались, например, М. Бахтин, Ж.-П. Сартр; некоторые представители постструктурализма (Ж. Делез) разрабатывали категории инаковости и Другого и проецировали собственные гипотезы на литературные произведения; концепции других (Ж. Лакана, М. Фуко) используются для интерпретации литературных произведений. Применительно к настоящему исследованию инаковость представляется категорией литературоведения.

Э.М. Форстер рассмотрел в своем творчестве инаковость как во внешнем, так и внутреннем ее проявлениях. Под последней понимается нетождественность героя самому себе, реализованная посредством статуса «Я сам как Другой». Инаковость, актуализирующая дихотомию «свое – чужое», является внешней. Дихотомия «свое – чужое», включающая антитезу «национальное – инациональное», производна от оппозиции «Я – Другой». Инаковость, реализующая дихотомию «свое – чужое», отлична от той, которая существует на уровне «Я сам как Другой».

В произведениях Э.М. Форстера оппозиция «свое – чужое» постепенно преодолевает антагонистический характер (личное, значимое – постороннее, чужое): от первоначального отношения к иному, «чужому» как чуждому и низкому герои приходят к внутреннему обогащению за счет узнавания истинно «своего» в «чужом». Развитие героев происходит в одновременном познании «своего» и «чужого», осмыслении «своего» на фоне «чужого» и одновременно «чужого» на фоне «своего». Способность/неспособность воспринимать «свое – чужое» определяется «развитостью»/«неразвитостью» английского сердца. «Неразвитое» английское сердце, сформированное в закрытых британских школах, чуждо всему иному. Для героев с «неразвитым сердцем» «своим» является только то, что позволяет им сохраниться и постоянно требует защиты от «чужого». При соприкосновении с последним герои с «развитым сердцем» переживают «вечные мгновения», озаряющие будничную действительность. Серия «вечных мгновений» предшествует духовному прозрению героев.

Произведения, основанные на опыте, накопленном Э.М. Форстером во время путешествий по разным странам мира (Греция, Италия, Германия, Индия, Египет и др.), позволяют выделить в его творчестве оппозицию «английское» – «неанглийское». Тема национального и инационального наиболее ярко представлена посредством сопоставления Англии и Италии (роман «Куда боятся ступить ангелы», рассказы «История о панике», «Сирена», «Вечное мгновение»). Сталкивая героев, принадлежащих к разным национальностям, указывая при этом на различия в их душевном мире и во внешнем виде, чертах национального характера и языке, национальных микрокосмосах, архитектуре, искусстве, ландшафте, Э.М. Форстер создает ситуации, в которых им необходимо распознать общечеловеческое, завуалированное в другой национальной культуре. Герои, преодолевающие по отношению к инациональному изначальноную враждебность и признающие инациональное равным своему национальному, духовно перерождаются.

Внутренняя инаковость в произведениях Э.М. Форстера связана с осознанием героя/героини иным (иной), чем они считали себя. Выявлено, что данная идея достигает апогея в романе «Поездка в Индию», а ее истоки восходят к рассказам «История о панике», «Доктор Шерстихлоп» и др., романам «Комната с видом», «Морис», «Хауардс-Энд». Герои, неспособные «соединить» внешнюю жизнь с внутренней, прозу жизни и ее поэзию, себя и Другого внутри себя, переживают душевное потрясение при столкновении со своей внутренней инаковостью, т. е. при встрече с Другим внутри себя. Встреча с самим собой как Другим является также трагедией для героев, живущих лишь по законам разума и исключаящих возможность существования в одном человеке нескольких Я. Чтобы прийти в согласие с «чужаком» внутри себя, им необходимо «соединиться». Последнее возможно при помощи «двойного видения», заключающегося в способности героя увидеть себя как Другого, осознать свою нетождественность самому себе. Путь к душевной гармонии героями Э.М. Форстера заключается в обретении ими «цельности», что возможно в примирении как с внешней, так и с внутренней инаковостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максімовіч, В.А. На строме часу / В.А. Максімовіч // Сучаснае беларускае літаратурнаўства: сістэма каштоўнасцей і прыярытэтаў / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут літаратуры імя Я. Купалы; нав. рэд. В.А. Максімовіч. – Мінск: Беларуская навука, 2006. – С. 3 – 5.

2. Stone, W. *The Cave and the Mountain. A Study of E.M. Forster* / W. Stone. – Stanford (Calif), Stanford Univ. Press; London, Oxford Univ. Press, 1966. – 436 p.
3. Зыкова, Е. Форстер Э.М. / Е. Зыкова // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН; отв. ред. А.П. Саруханян. – М.: Наука, 2005. – С. 457 – 460.
4. Forster, E.M. *Aspects of the Novel and Related Writings* / E.M. Forster. – London: Arnold, 1974. – 169 p.
5. Рогачевская, М.С. Психоаналитическая концепция Д.Г. Лоуренса и ее реализация в прозе: дис. канд. филол. наук: 10.01.03 / М.С. Рогачевская. – Минск: 2003. – 111 л.

Н.С. Поваляева (Минск, БГУ)

ДЖЕНЕТ УИНТЕРСОН И ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ: ДИАЛОГ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Одной из ведущих тенденций в литературе последних десятилетий XX и начала XXI века является обращение к литературному наследию, к классике, а также многофункциональное использование аллюзий и реминисценций, отсылок к произведениям других авторов. Огромное влияние на развитие современной англоязычной прозы оказало и продолжает оказывать творчество Вирджинии Вулф (Virginia Woolf, 1882–1941)¹. Однако даже на фоне этой тенденции случай британской писательницы Дженет Уинтерсон (Jeanette Winterson, b. 1959) особенный, так как никто, кроме нее, не называл себя «единственной настоящей наследницей В. Вулф» [1] среди современных авторов.

Соприкосновение с наследием В. Вулф принимает в творчестве Дженет Уинтерсон разнообразные формы – это обращение к темам и проблемам, которые были близки Вирджинии Вулф, аллюзии на конкретные ее произведения, использование стилистических приемов, характерных для творческой манеры В. Вулф, организация прозаического текста по принципам поэзии; статьи и эссе о творчестве Вирджинии Вулф, мини-сайт, посвященный основным произведениям этой писательницы [2], предисловия к переизданиям произведений В. Вулф. Совместно с журналисткой и редактором Маргарет Рейнольдс и издательством *Vintage* Дженет Уинтерсон проделала огромную работу по переизданию девяти романов Вирджинии Вулф. Именно Дж. Уинтерсон предстояло разработать общую концепцию этой серии, цель которой – представить романы В. Вулф современному молодому читателю. Для этого нужны были введения, написанные современными исследователями и раскрывающие именно современный подход к этим романам. Дженет Уинтерсон нашла прекрасное решение – каждый роман В. Вулф предваряет введение, написанное в соавторстве писателем и литературоведом. Сама Дж. Уинтерсон написала введение вместе с известной исследовательницей творчества В. Вулф Джиллиан Бир (Gillian Beer) к роману «Волны» (*The Waves*, 1931) [3].

Среди всех произведений Вирджинии Вулф особое значение для Дженет Уинтерсон имеет, совершенно очевидно, роман «Орландо» (*Orlando*, 1928) [4]. По мнению писательницы, этот роман ярче всего демонстрирует нам лучшие качества как творчества В. Вулф, так и ее личности: стремление к эксперименту, умение бросить вызов стереотипам и канонам как в искусстве, так и в жизни [5, p. 61], способность говорить о провокативных, «скользких» материях, не впадая при этом в крайности и резонерство [5, p. 68]; умение искусно сочетать легкость, занимательность формы с серьезностью поднимаемых проблем [5, p. 66], виртуозное владение стилем художественного письма, способность слышать собственный текст в самый момент его создания и подчинять мысли законам поэтического ритма [5, p. 76]. Особое отношение Дженет Уинтерсон именно к этому роману Вирджинии Вулф, на мой взгляд, объясняется еще и тем, что темы, которые затрагиваются в «Орландо», являются ключевыми и в творчестве самой Дж. Уинтерсон – это нелинейность времени, соотношение истории глобальной и персональной, творческий поиск, составляющие процесса самоидентификации личности, гендерная стратификация в обществе, сексуальность. Близки Дженет Уинтерсон и эксперименты В. Вулф в области жанра.

Роман «Орландо», как известно, представляет собой пародию на биографический жанр. Согласно канону данного жанра, автор должен точно следовать фактам истории жизни своего объекта, акцентируя наиболее важные ее этапы. Формально в романе «Орландо» этот принцип соблюден (Орландо делает карьеру при королевском дворе; Орландо переживает несчастную любовь; Орландо пробует себя в творчестве; Орландо выполняет государственную миссию в Константинополе), однако содержательно он трансформируется. Основным инструментом разрушения жанрового канона становится введение в текст фантастических элементов. Первый заключается в том, что Орландо проживает несколько веков, сохраняя

¹ Например, американский писатель Майкл Каннингем (Michael Cunningham) не раз признавался в интервью, что именно чтение романов В. Вулф побудило его самого к писательству, а самый известный его роман – «Часы», удостоенный Пулитцеровской премии, – представляет собой деконструкцию романа Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй»; в романах современной британской писательницы Али Смит (Ali Smith) находим прием полинарратива, который, несомненно, уходит корнями в полифоническую структуру произведений В. Вулф.